

W. L. WESTERMANN, The Slave Systems of Greek and Roman antiquity, Philadelphia, 1955, 180 стр.

Новая работа американского историка, посвященная античному рабству, не может не привлечь к себе самого пристального внимания советских исследователей античности. Как известно, даваемая советскими историками трактовка роли рабства в истории античных обществ обычно встречается в штыхы представителями буржуазной историографии. Критика взглядов историков-марксистов по этим вопросам нередко выходит на Западе за рамки академической полемики и принимает явно выраженный политический характер, сопровождаясь нападками на всю марксистскую науку. Тем более важно уяснить, каковы же позитивные взгляды буржуазных историков на проблему рабства и насколько научно состоятельной является их аргументация.

Рецензируемая книга представляет собой редкое явление в зарубежной историографии античности. Тематика, связанная с историческим значением рабства, не пользуется ныне успехом в буржуазной литературе. Если многие весьма и весьма далекие от марксизма ученые прошлого века осознавали определяющую роль рабства в древности и не были склонны ни преуменьшать численность рабов, ни замалчивать антагонизм между рабами и рабовладельцами, — в качестве иллюстрации достаточно назвать хотя бы известное исследование А. Валлона, — то примерно с начала нашего столетия под влиянием ряда обстоятельств, среди которых не последнюю роль сыграло влияние модернизаторской концепции Эд. Мейера, в буржуазной литературе все более усиливалась диаметрально противоположная тенденция. Под флагом необходимости критического рассмотрения источников свячески преуменьшается значение античного рабства; подавляющее большинство свидетельств древних авторов о численности рабов характеризуются как недостоверные, положение рабов безудержно идеализируется, а сам институт рабства в приложении даже к Греции и Риму объявляется чем-то привходящим. Единственное исключение допускается лишь для небольшого отрезка истории Римской республики (вторая половина II — начало I вв. до н. э.), но и для этого времени развитие рабства объясняется каким-то случайным, неповторимым стечением обстоятельств.

Господство такого рода тенденции неизбежно предопределило падение интереса к проблеме античного рабства как исторического явления. На протяжении всей первой половины XX века не появилось ни одной монографии, которая была бы посвящена изучению античного рабства, взятого как целое. Единственную работу, приближающуюся к такого рода исследованию, представляла только известная справочная статья автора рецензируемой книги в Реальной энциклопедии Паули. При этом любопытно напомнить, что указанная статья появилась не в основном издании энциклопедии, но лишь в VI дополнительном томе, вышедшем в 1935 г., т. е. почти 40 лет после того, как было начато переиздание этого классического справочного пособия (основной том RE, в котором должна была быть помещена статья «Sklaverei», вышел в свет в 1927 г.).

Хотя подборка свидетельств источников о рабах в указанной статье далека от полноты, все же, в сравнении, например, с книгой Валлона, она отличалась более богатым и, главное, разнообразным использованием источников, прежде всего эпиграфическим и папирологическим, а также учетом большого количества специальных исследований.

В последующие два десятилетия интерес к проблеме античного рабства в буржуазной литературе продолжал падать, а отмеченная выше тенденция все более усиливалась. Немаловажную роль в данном отношении сыграла упомянутая статья Уэстермана. Опираясь на высказанное им «последнее слово науки», авторы различных курсов по истории древней Греции со все более возрастающим пренебрежением характеризовали роль рабства даже в таких полисах, как Афины, а ныне считают возможным даже вообще умалчивать о наличии рабов. Так, автор раздела, посвященного истории древней Греции во II томе «Historia Mundi», известный немецкий историк древности

Ф. Шахермайр ухитрился вообще «не заметить» существования рабов в Элладе. В рецензиях и обзорах трудов советских и зарубежных марксистских ученых, появляющихся в таких журналах, как «Snomon» и «Historia», основной упрек рецензентов сводится к тому, что античники-марксисты преувеличивают роль рабства, которое, мол, не играло мало-мальски существенной роли ни в Греции, ни даже в Риме. Те немногочисленные исследования советских историков, с которыми ознакомился Уэстерман (работы А. Д. Дмитрева и С. Т. Еремяна), отбрасываются им без деловой аргументации, как ненаучные (стр. 130 и 137 сл.).

Все сказанное выше относится ко взглядам представителей буржуазной историографии античности на рабство в целом. Этой характеристике несколько не противоречит тот факт, что в первой половине текущего столетия на Западе появилось некоторое количество важных работ по отдельным частным вопросам рабства¹. Авторы этих работ не ставят перед собой задачу определить историческую роль и удельный вес рабства в те или иные периоды античности, а ограничиваются исследованием, иногда весьма скрупулезным и квалифицированным, отдельных частных вопросов.

В этом плане единственным исключением является школа профессора Тюбингенского университета И. Фогта, который вместе со своими учениками издал с 1953 по 1957 годы несколько небольших работ по важным вопросам истории рабства в Элладе и частично в Риме². Не говоря уже о том, что тематика указанных книг касается узловых вопросов античного рабства, важно отметить, что все они представляют часть одного целого. Недаром последняя работа руководителя этой группы имеет симптоматическое посвящение «Collegis et discipulis investigatoribus servitutis antiquae». Фогт и его ученики весьма далеки от марксизма; тем не менее они не склонны ни преуменьшать число рабов, ни отрицать их роль и значение в древности. Сам Фогт открыто заявляет, что советские ученые оценивают античное рабство значительно более правильно, чем западноевропейские историки-модернизаторы.

Таким образом, до последнего времени на протяжении нескольких десятилетий Уэстерман был единственным крупным буржуазным ученым, который занимался проблемой античного рабства в широком плане, и именно его концепция, фактически, определяла собой точку зрения не только американской, но и западноевропейской историографии по данному вопросу. Это заставляет нас пристально присмотреться к системе его взглядов и подвергнуть ее развернутому анализу.

Значительная часть рецензируемой книги представляет собой простую перепечатку, лишь с небольшими редакционными изменениями, текста соответствующих разделов статьи в RE. Это свидетельствует о неизменности взглядов Уэстермана на протяжении по крайней мере двадцатилетия. Автором были полностью переработаны лишь главы о рабстве в восточном Средиземноморье после Александра и заново написаны последние пять глав о рабстве в Поздней империи.

Во всех отмеченных разделах книги широко использованы результаты многочисленных специальных исследований самого Уэстермана по таким вопросам, как данные Афиняев о численности рабов в античной Греции, манумиссии, рабские восстания и т. д. В значительно меньшей мере это можно сказать о новой литературе предмета. Не говоря уже о почти полностью игнорируемой им советской и вообще марксистской литературе, Уэстерман прошел мимо довольно большого числа работ буржуаз-

¹ Например, G. R. M o r r o w, *Plato's law of slavery*, 1939; L. G e r n e t, *Droit et société dans la Grèce ancienne*, P., 1955 (сборник статей); см. также библиографический список, приложенный к рецензируемой книге.

² J. V o g t, *Sklaverei und Humanität im klassischen Griechentum*, 1953; он же, *Struktur der antiken Sklavenkriege*, 1957; G. M i c k n a t, *Studien zur Kriegsgefangenschaft und zur Sklaverei in der griechischen Geschichte*, 1954; рецензию см. ВДИ, 1956, № 2, стр. 107—111; S. L a u f f e r, *Die Bergwerkssklaven von Laureion*, тт. I—II (1955—1956). Все указанные работы вышли в издании Академии наук в Майнце.

ных ученых. В частности, в рецензиях В. Сестона³ и Ж. Лабарба⁴ указано несколько неучтенных им статей. Выводы некоторых из них иногда ставят под сомнение те или иные умозаключения Уэстермана. Его ссылки на другие исследования буржуазных ученых также не всегда свидетельствуют о знакомстве его с новой, в том числе даже с американской, литературой предмета⁵.

В рецензируемой книге концепция Уэстермана изложена, можно сказать, с предельной ясностью. Многие идеи, которые лишь в завуалированной форме высказывались в РЕ, нашли предельно четкое завершение в книге.

Характерно уже само название книги — «Системы рабства в греческой и римской античности». В последней своей статье, представляющей нечто вроде автореферата рецензируемой книги⁶, Уэстерман пишет: «Множественное число „системы рабства“... представляет собой твердое убеждение автора, что рабство, подобно другим человеческим учреждениям, никогда не является одним и тем же в различных местах. Даже в мире греческих городов-государств развивавшиеся здесь системы рабства никогда не представляли единого стандартного образца» (стр. 19).

Против замечания о различиях между формами рабства, например, в Гортине или в Афинах, возражать не приходится. Однако нельзя признать правильным и плодотворным отказ от общей характеристики роли такого крупного явления всемирно-исторического значения, как античное рабство в целом. Между тем, во всей книге красной нитью проходит отказ автора от анализа черт подобия между различными системами рабства, отрицание им каких-либо общих закономерностей. К тому же Уэстерман не желает учитывать в мало-мальски значительной степени таких важнейших аспектов античного рабства, как воздействие последнего на свободный труд, технический застой, влияние на общий ход социально-экономического развития и ряд других моментов, обусловленных рабовладельческим характером античных обществ.

Во «Вводных замечаниях...» Уэстерман останавливается на методологии подхода к проблеме рабства в античности. Он подчеркивает, что сознательно избегал употребления «эмоциональных» терминов вроде: «ужасы рабства, ... *bestia servilis*, ... человеческий товар», так как ему «... казалось, что они нарушают картину рабского труда и его практики в античности» (стр. X). Дело здесь, разумеется, вовсе не в личных симпатиях или антипатиях автора к «эмоциональности» изложения. Имея тут в виду, очевидно, Валлона, Уэстерман полемизирует с аболиционистским подходом к рабству, характерным для прогрессивных буржуазных историков прошлого столетия. Подчеркиваемый им отказ от употребления «эмоциональных» терминов обусловлен прежде всего последовательно проводимой им на протяжении всей книги идеализацией положения рабов не только в Греции, но даже и в Риме.

Несколько дальше Уэстерман заявляет, что по образцу гомеровского рабства «мягкая форма земледельческого и домашнего рабства сохранялась вплоть до II в. до н. э. в тех областях греческого мира, где не развивалось ремесленное производство» (стр. 3). Такого рода заявление, которое полностью игнорирует тяжкую судьбу лаконских илотов, афинских гектеморов и аналогичных им общественных слоев, оказалось возможным лишь благодаря тому, что Уэстерман счел целесообразным провести «резкое разграничение между настоящим рабством и крепостной зависимостью» (стр. 1: *actual slavery and serfdom*). Определяя последнюю как «прикрепление к месту, а не к человеку...» (там же), он отказывается от анализа положения илотов и пенестов, но включает в предмет своего исследования афинских демосиев и критских войкеев.

В связи с этим необходимо сразу же указать, что античность не знала того «резкого разграничения», которое постулирует автор. Античные писатели сплошь и рядом обозначали илотов «рабскими» терминами. В одном из параграфов договора о пере-

³ «*Revue des études latines*», XXIII (1955), стр. 480 сл.

⁴ «*L'Antiquité classique*», XXV (1956), 1, стр. 209—211.

⁵ Так, он игнорирует почти полностью упомянутые выше работы Морроу и Жерне.

⁶ «*Eos*», XLVIII (1956), 1, стр. 19—25.

мирии между Афинами и Пелопоннесским союзом (Thuc., IV, 118, 7) илоты явно определяются как δοῦλοι. Уж если исходить из собственного определения Уэстерманом раба (прикрепление к человеку), то, чтобы быть последовательным, он должен был отказаться от анализа положения войкеев и демосиев; ни те, ни другие, несомненно, не были частновладельческими рабами. И в юридическом статусе и в материальном положении различных групп античных рабов наблюдается множество самых разнообразных переходных форм и оттенков. Последнее полностью признает и хорошо показал сам Уэстерман. Поэтому постулируемое им «резкое разграничение», скажем, илотии от рабства афинского типа, несомненно, было продиктовано не данными источников, а прежде всего стремлением уклониться от привлечения тех свидетельств древних авторов, которые могли бы поставить под угрозу всю его трактовку античного рабства в целом.

Общая концепция античных «систем рабства» у Уэстермана может быть сведена к следующим положениям.

Количество рабов в различных обществах античного мира было, как правило, невелико. Только благодаря стечению ряда исключительных обстоятельств их число иногда резко возрастало, но лишь на очень исторически краткий промежуток времени. Практически Уэстерман признает наличие большого количества рабов только в Афинах и немногих других полисах V—IV вв. в Элладе и в Римской республике конца II — начала I вв. до н. э. Однако, по его мнению, и здесь число рабов сильно преувеличивалось как античными авторами, так и современными исследователями.

Рабский труд не играл решающей роли в производстве. Поскольку речь идет об Афинах классического периода, Уэстерман почти полностью отрицает использование труда рабов в сельском хозяйстве, умалчивает об эргастериях и признает безоговорочно количественное преобладание рабов над свободными лишь в Лаврийских рудниках. Даже в отношении Рима конца республики Уэстерман, признавая наличие здесь очень большого числа рабов, все же подчеркивает, что римская цивилизация I в. до н. э. не была цивилизацией рабовладельческой, хотя рабы широко использовались и в сельском хозяйстве и в ремесле.

Положение рабов, по Уэстерману, было вполне сносным. Согласно защищаемой им «теории градаций», отсутствовала четкая грань между рабами и свободными. Рабы подразделялись на множество групп; некоторые из последних, например, государственные или храмовые рабы, находились фактически на положении свободных и могли получать не только полную личную свободу, но и права гражданства. Распространенность института вольноотпущенничества не только в Риме, но и в классических Афинах свидетельствует об отсутствии каких-либо трудностей при переходе из рабского статуса в свободный.

В силу всего этого Уэстерман категорически возражает против утверждения, что институт рабства был причиной падения античной цивилизации. Восстания рабов на рубеже II и I в. до н. э. были вызваны в конечном итоге случайными причинами; их обусловили в первую очередь обстоятельства перехода от земледелия к ремесленному производству. Других рабских восстаний античность вообще не знала.

Отношение христианской церкви к рабам мало чем отличалось от отношения господствующих слоев империи. Нет оснований приписывать падение рабства распространению христианства. Положение рабов в раннехристианских общинах было таким же, как в светском обществе.

Такова в общих чертах концепция Уэстермана. Вполне очевидно, что, если бы он с самого начала не декларировал «резкого разграничения» между slavery и serfdom, все его построения сразу бы рухнули. Но даже оставаясь в том кругу, который установил себе автор рецензируемой книги, все же легко убедиться, что его выводы были достигнуты путем предельно бесперемонного обращения с источниками. Несколько ниже это будет показано при анализе отдельных разделов. Что касается методики Уэстермана в целом, то весьма поучительно остановиться несколько подробнее на оценке его книги в буржуазной литературе. Выше отмечалось, что труд Уэстермана

был восторженно принят многими зарубежными рецензентами ⁷, которые не жалеют ему таких эпитетов, как «классическое руководство», «изумительная объективность», «великий труд» и т. д. Критические замечания по адресу книги в целом высказывают только Уэллес, который вряд ли правильно считает ее «... скорее анализом, чем синтезом», и А. Х. М. Джонс ⁸, на взглядах которого стоит остановиться несколько подробнее.

Изложив общую картину рабства в книге Уэстермана, рецензент высказывает свое согласие с автором и подчеркивает «несомненную ошибочность определения Афин как „рабовладельческой демократии“». Однако в то же время Джонс отмечает ряд «преувеличений» в книге. Он показывает, что Уэстерман «не играл достаточно корректно, отказавшись процитировать большое количество данных» о рабах в эргастериях, и отмечает, что «законы против чересчур жестокого обращения с рабами свидетельствуют не только о просвещенности правительств, но и о наличии значительного количества жестоких рабовладельцев», что «свидетельства как литературных, так и эпиграфических памятников о многочисленных побегах рабов также показывают, что не все рабы были довольны своей судьбой». Таким образом, даже согласный с концепцией Уэстермана Джонс отмечает ряд характерных для него «некорректностей».

Думается, что речь здесь должна идти не об отдельных упущениях Уэстермана, а о всем методе его работы. Он категорически отвергает чуть ли не все данные античных источников как о количестве рабов, так и о зверском обращении с ними рабовладельцев, бесперемежно замалчивает целый ряд важнейших свидетельств о роли рабского труда в производстве и вполне сознательно рисует искаженную, фальсифицированную картину безмятежной жизни античных рабов.

Ко всему этому необходимо самым настойчивым образом предостеречь читателя от чересчур доверчивого отношения к справочному аппарату первых четырех глав. Они буквально пестрят всякого рода опечатками, ошибками и неточностями, которые частично перешли сюда из статьи автора в RE, частично же были добавлены в книжном издании. Полный список занял бы много места. Лейстнер отмечает в книге Уэстермана около 80 опечаток; однако это явное преуменьшение: в одних только первых четырех главах количество неправильных или неточных ссылок на источники достигает сотни.

При сличении первых глав рецензируемой книги и текста статьи в RE легко убедиться, что последний без каких-либо существенных изменений был перепечатан в книге. Единственное значительное дополнение было внесено лишь в заключительную часть III главы в связи с недавно опубликованными новыми данными о рабах в арамейских папирусах из Сиены (Верхний Египет). Насколько я мог заметить, Уэстерман снял только две фразы из текста статьи, напечатанной, напомним, в 1935 г. Оба места весьма показательны: это, во-первых, заявление о том, что «основу наших современных знаний о рабстве в истории Греции и Рима заложил Э. Мейер...» (RE, стб. 894), и, во-вторых, что «с точки зрения народонаселенческой политики рабство вообще не оказало благоприятного воздействия ни в расовом, ни в численном отношении» (там же). Если первая фраза является реверансом по адресу немецкой модернизаторской историографии, то вторая отдает явно фашистским духом. Думается, что именно поэтому сам Уэстерман снял эти предложения в книжном издании ⁹.

⁷ Кроме указанных выше рецензий Сестона и Лабарба, в этом плане показательны рецензии: С. В. Welles, *AJPh*, LXXVII (1956), стр. 316—318; J. W. Swain, *CPh*, LI (1956), стр. 203 сл.; M. L. W. Laistner, «The American Historical Review», LXXI (1955—1956), стр. 613 сл.

⁸ А. Н. М. Jones, «The English Historical Review», LXXII (1956), стр. 272—275.

⁹ В свете всего указанного нельзя признать правильным замечание Э. Л. Казакевича, Термин *δοῦλος* и понятие «раб» в Афинах IV в. до н. э., ВДИ, 1956, № 3, стр. 123, прим. 4, которая возражала против моей характеристики концепции Уэстермана, как «принимавшей местами согласно „духу времени“ ярко выраженный фашистский характер» (слова, отмеченные курсивом, к сожалению, пропущены в цитате у Э. Л. Казакевича).

Переходя к анализу взглядов Уэстермана на рабство в Греции, необходимо прежде всего остановиться на интерпретации рабства у Гомера. Он считает нужным подчеркнуть «поразительно ограниченное число рабов даже у наиболее богатых вождей». По его словам, «тип рабства был столь мягким, что его иногда трудно отличить от патриархальной клиентелы или крепостной зависимости» (стр. 2). Количество рабов-мужчин, «несомненно, невелико. Точно известны только свинопас Евмей и Долий» (там же). О слабом развитии рабства свидетельствуют, по его мнению, такие косвенные соображения, как отсутствие специальных набегов за рабами, наличие наемного труда в земледелии и скотоводстве и т. д. Историческое значение гомеровского рабства состояло, по Уэстерману, в том, что оно отразило общую картину положения рабов во многих областях эллинского мира вплоть до II в. до н. э.

Ни одно из указанных положений не может быть принято без весьма существенных оговорок. Если строго придерживаться только текста гомеровских поэм, то число 50 рабынь в хозяйствах Алкиноя и Одиссея (Od., VII, 103 слл. и XXII, 421 слл.) вряд ли может расцениваться как незначительное, тем паче, что объем порученных им работ был достаточно велик. Правда, это число явно округлено, но из поэм неясно, занижено оно или завышено. Данные табличек линейного письма В указывают скорее на первую возможность¹⁰. Что касается численности рабов-мужчин, то, кроме упомянутых автором Евмея и Долия, несомненным рабом был купленный Евмеем Месавлий (Od., XIV, 450), рабами были Мелантий и шесть других сыновей Долия. Еще важнее указания Евмея, что многочисленные стада Одиссея пасут как наемные, так и собственные пастухи Одиссея (XIV, 102); под последними могли подразумеваться только рабы типа Евмея. Непонятно, как в свете этих общеизвестных свидетельств можно утверждать, что количество рабов у племенных вождей было «поразительно» ограничено¹¹. К тому же нет ни малейших оснований считать картину гомеровского рабства типичной для многих районов Эллады классического времени. Сам Уэстерман исключает отсюда те полисы, где был распространен ремесленный труд, и те районы, где применялся труд илотов и пенестов. Но ведь после исключения этих групп полисов у нас вообще не остается никаких областей Эллады, для которых имелись бы хоть какие-нибудь сведения о рабстве¹².

Для доклассического периода автор использовал весьма ограниченное количество источников. Вне поля его зрения остались такие источники, как «Щит Геракла», элегии Феогнида, фрагменты из Гесиода¹³, отрывок из Гераклида Понтийского о Периаандре, не говоря уже о некотором количестве коринфских пинаков и других археологических и эпиграфических памятников¹⁴.

Главы II—IV, в которых речь идет о классической Греции, соответственно посвящены: а) источникам рабства и численности рабов, б) занятиям рабов и юридическим аспектам рабства, в) социальной обстановке (social setting) полисного рабства. Некоторую ценность представляет раздел об использовании рабов в производстве; автор привлек большое количество эпиграфических памятников; к тому же здесь меньше прямых искажений источников. Однако и в этом разделе Уэстерман явно извращает

¹⁰ См. Я. А. Л е н ц м а н, Пилосские надписи и проблема рабовладения в микенской Греции, ВДИ, 1955, № 4, стр. 41 слл.

¹¹ Более объективные буржуазные исследователи, например Г. Микнат (см. выше, прим. 2), не говоря уже о многих ученых прошлого столетия, как Бухгольц и Валлон, вовсе не склонны занижать число рабов в гомеровских поэмах.

¹² Вряд ли и Уэстерман решился бы приписывать столь всеобъемлющее значение данным Гортинских законов.

¹³ Подборку данных из этой группы источников о рабах см.: Я. А. Л е н ц м а н, Послегомеровский эпос как источник для социально-экономической истории ранней Греции, ВДИ, 1954, № 4, стр. 63—66.

¹⁴ Археологические и эпиграфические свидетельства о раннегреческом рабстве подобраны в статье П. О л и в ы, Роčátky otrokářské výroby v antickém Recku, «Československý časopis historycký», 1954, стр. 78—92.

картину использования труда рабов, особенно в сельском хозяйстве. Ввиду того что обстоятельный разбор всего материала этих глав не представляется возможным в рамках рецензии, мы остановимся здесь только на четырех узловых моментах концепции Уэстермана: 1) численность рабов, 2) использование их в производстве, 3) теория «градаций» и юридическое положение рабов и 4) вопрос о вольноотпущенниках.

Исследование численности рабов занимает главное место как в «греческих», так и в «римских» главах рецензируемой книги. Разумеется, этот вопрос очень важен и для советских историков. Однако рабовладельческий характер античных обществ с точки зрения исследователей-марксистов вовсе не сводится ни к определению количества рабов в тех или иных обществах древности, ни даже, что несомненно более важно, к установлению относительной численности рабов, занятых в производстве. Установление, например, капиталистического способа производства в какой-либо стране происходит значительно раньше, чем возникает численное преобладание пролетариата над другими классами общества. *Mutatis mutandis* это замечание относится и к другим социально-экономическим формациям, в том числе и к рабовладельческой. В приложении к античности важно прежде установить, является ли рабский труд ведущим в ключевых для данного общества отраслях производства. Для Афин таковыми, на наш взгляд, следовало бы считать крупные ремесленные мастерские — эргастерии. Затем очень важно определить степень воздействия рабского труда на труд свободных: имел ли место процесс низведения свободных к уровню рабов. В этом плане весьма показательны отношения античных философов к физическому труду, как к рабскому занятию, позорящему свободных. Кроме того, для установления рабовладельческого характера общества очень существенно выяснить основу экономической мощи господствующего класса. В Афинах таковой, несомненно, являлось рабовладение. Поэтому возражение упомянутого выше А. Х. М. Джонса, что Афины нельзя характеризовать как «рабовладельческую демократию», так как многие бедные граждане сами занимались физическим трудом, основано лишь на недоразумении. Однако Уэстерман абсолютно не касается всех указанных нами моментов и ограничивается исследованием в первую очередь вопроса о численности рабов. Ввиду этого и мы вынуждены здесь концентрировать свое внимание прежде всего на том аспекте рабства, которым занимается автор рецензируемой книги.

Пытаясь определить количество афинских рабов, он всячески уменьшает, а зачастую и прямо отбрасывает те свидетельства античных авторов, которые не согласуются с его взглядами. В некоторых случаях он даже умалчивает о важных документах. Вот несколько примеров его «методики». Известное сообщение Фукидида о бегстве 20 000 афинских рабов в Декелию (VII, 27, 5) Уэстерман относит ко всему периоду 412—404 гг. и делает абсолютно необоснованный вывод, что в то время «в Аттике было немногим больше, чем 20 000 рабов» (стр. 8). Он категорически отбрасывает не только недостоверное свидетельство Афиней (VI, 272 с) о 400 тысячах рабов в Аттике при Деметрии Фалерском, но и значительно более правдоподобное, хоть и сильно фрагментированное сообщение Гиперида (фр. 29, Бласс). Помнению Уэстермана, равным образом недостоверной следует считать информацию Ксенофонта о тысяче рабов у Никия и о нескольких сотнях рабов у Гиппоника и Филоменида (*Vect.*, IV, 14 сл.). План Ксенофонта создать государственный фонд рабов («по три на каждого из афинян» (там же, IV, 17) Уэстерман толкует таким образом, что эти 65 тысяч полисных рабов должны были «в значительной мере» заменить частновладельческих рабов (стр. 9). Между тем, в тексте у Ксенофонта, обстоятельно излагающего свой план, нет на это ни малейшего намека. В результате всех этих «операций» Уэстерман предполагает, что число рабов в Аттике в начале Пелопоннесской войны составляло от 60 до 80 тысяч¹⁵, а

¹⁵ Для сравнения напомним, что еще лет 30 тому назад в «Кембриджской древней истории» (т. V, стр. 11) вовсе несклонный к преувеличению числа рабов М. Н. Тод, который располагал теми же источниками, что и Уэстерман, определял численность рабского населения Афин в 80—100 тысяч, допуская возможность наличия здесь даже 120 тысяч рабов.

в IV в. их количество вряд ли сильно увеличилось. Разумеется, при такой «методике» исследования, когда множество негодных автору свидетельств источников объявляется недостоверными, а другие толкуются самым произвольным образом, можно «доказать» абсолютно все что угодно, вплоть до того, что в Афинах вообще не было ни одного раба.

Многие источники, относящиеся к V в., упоминают о случаях продажи военнопленных в рабство¹⁶. Однако вместо того, чтобы признать эти факты и сделать отсюда необходимые выводы, Уэстерман и здесь всячески преуменьшает или замалчивает невыгодные для него свидетельства источников. Например, Диодор (XI, 62) сообщает о сражении при Евримедонте, что Кимон захватил 20 000 военнопленных. Уэстерман, касаясь данного сообщения, заявляет (стр. 7), что к нему следует относиться «со скептицизмом», так как, во-первых, Диодор является нашим единственным источником по данному вопросу, а во-вторых, неизвестно, проданы ли пленные, или выкуплены. Само собой разумеется, что после всех этих оговорок и сомнений у читателя должно остаться впечатление, что обращение 20 000 пленных в рабство не имело никакого влияния на развитие рабовладельческих отношений в Элладе. Умалчивает Уэстерман о продаже тем же Кимоном пленных эйонцев (Thuk., I, 98, 2), о захвате одним лишь афинским отрядом в 446 г. 2000 рабов в Центральной Греции (IG, I², 1085), о порабощении не менее 7000 пленных афинян и их союзников в Сицилийской экспедиции (Thuk., VII, 87, 4; ср. Plut., Nik., 29 и Diod., XIII, 33) и т. д. В двух последних случаях речь идет о тысячах рабов или порабощаемых, причем количество не подлежит сомнению. Уэстерман проявляет в данном случае прямо-таки странную забывчивость.

Об использовании рабов в производстве общий вывод Уэстермана таков (стр. 14): «Даже в Афинах, в одном из немногих городов, где ремесленное рабство было высоко развито, более чем сомнительно предположение, что рабский труд преобладал над свободным где-либо, за исключением горного дела и, возможно, домашнего хозяйства и розничной торговли». Оставляя вопрос об использовании труда рабов в сельском хозяйстве для последующего анализа, проверим прежде всего, насколько соответствуют истине приведенные утверждения Уэстермана в отношении горного дела и ремесла.

Свидетельств античных источников о Лаврионских рудниках дошло до нашего времени довольно много. Рабочие этих рудников повсеместно называются «андраподами», следовательно, они были несомненно рабами, даже с точки зрения самого Уэстермана (стр. 5). Только лишь в двух местах (Dem., XLII, 20; Xen., Vect., IV, 22) говорится о том, что в рудниках работали и свободные. Возникает вопрос, каковы были функции этих свободных? У Демосфена речь идет несомненно о предпринимателе, хотя тот и жалуется, что работал физически в рудниках¹⁷. Из свидетельства Ксенофонта следует, что некоторые афиняне работали в Лаврионе вплоть до старости; по всей вероятности, это были самостоятельные предприниматели или администраторы. Количество их, по сравнению с числом рабов, было абсолютно ничтожным. Уэстерман, прекрасно ознакомленный с относящимися к данному вопросу источниками, все же говорит лишь глухо о «преобладании» рабов¹⁸. Признавая тяжесть условий труда в рудниках, он заявляет, что «опасность была одинакова для горняка-раба и свободного». Это заведомая неправда, так как большинство рабов было занято под землей, а считанные свободные руководили работами.

Признавая связь рабства и ремесленного производства, Уэстерман обязан был, по крайней мере, поставить вопрос о том, кто же являлся основной рабочей силой в афин-

¹⁶ Обстоятельную сводку мест у Геродота и Фукидида, где идет речь о продаже военнопленных в рабство, для Греции V века см. G. Thomson, *Studies in Ancient Greek Society*, т. II, *The First Philosophers*, L., 1955, стр. 197—201.

¹⁷ Lauffe, *ук. соч.*, т. I, стр. 8 слл.

¹⁸ Опять-таки для сравнения укажем, что в САН, V, стр. 5, говорится: «рабы... монополизируют (разрядка моя. — Я. Л.) определенные занятия, например горное дело и домашнюю службу».

ских эргастериях: рабы или свободные. Разумеется, не следует преувеличивать ни числа крупных мастерских, ни количества занятой в них рабочей силы. Как бы то ни было, необходимо было отметить, что в эргастериях работали почти исключительно рабы и что число их, согласно имеющимся сведениям, составляло иногда по несколько десятков на эргастерий.

В главах, посвященных классической Греции, автор стремится создать впечатление о ничтожном применении рабского труда в сельском хозяйстве Аттики. Такому впечатлению частично противоречат приводимые им же свидетельства, не говоря уже о тех, о которых он умалчивает. Согласно сводке данных о вольноотпущенниках в Афинах в третьей четверти IV в. (стр. 13), из 79 отпущенных на волю мужчин 12 человек было занято в сельском хозяйстве, что составляет около 15%. К этому надо добавить, что сельскохозяйственные рабы, по всей вероятности, отпускались на волю несколько реже, чем городские, так как в городе рабы скорее могли найти самостоятельную работу, чем в деревне, и им легче было накопить необходимые для выкупа средства. Уэстерман умалчивает о многих свидетельствах использования рабов именно в сельском хозяйстве. Данные Фукидида о росте рабовладения в Аттике он интерпретирует как относящиеся только к ремесленному производству. Между тем Thuk., I, 139, 2 (рабы, бежавшие в Мегариду), I, 142, 4 (речь Перикла: возможность побегов к целопоннесцам) и VI, 91, 7 (речь Алкивиада: добровольный переход с е л ь с к и х рабов к лакедемонянам) скорее могут относиться к сельским, чем к городским рабам¹⁹. О рабах, занятых в земледелии, упоминает иногда Аристофан²⁰, довольно много говорит о них и Ксенофонт (например, Oec., III, 10 и passim). Все эти данные игнорируются Уэстерманом.

При рассмотрении вопросов о численности рабов и об их использовании в производстве Уэстерман все-таки как-то ссылался на источники. Но уже совершенно фантастически выглядит его теория «градаций». Наиболее четко автор формулирует эту теорию в связи с анализом положения демосиев (стр. 10). «Государство в качестве собственника, несомненно, обладало высшим правом принимать меры для их освобождения. После отпуска на волю отсутствовали юридические препятствия для их продвижения вплоть до полноты гражданских прав, если государство на это соглашалось. Хотя демосии составляли относительно небольшую прослойку класса рабов, важно рассмотреть их положение, так как оно показывает широкий диапазон в привилегиях рабов и в отношении к ним. Все это вело к признанным градациям в статусе рабов. Эти градации, характерные для греческих и эллинистических типов рабства, не дают возможности провести одну резкую линию различия между свободным и рабом».

Приведенная длинная цитата представляет собой, так сказать, квинтэссенцию концепции Уэстермана. Его суждения как две капли воды похожи на аргументацию современных апологетов капитализма, заявляющих о ликвидации антагонизма между пролетариатом и буржуазией путем продажи мелких акций рабочим или ничтожного участия последних в прибылях того или иного предприятия. В приложении к античности теория градаций имеет три стороны, на которых следует остановиться несколько подробнее. Это: 1) градации внутри класса рабов, 2) юридический статус рабов и 3) возможности перехода из рабского состояния в свободное.

Рассматривая положение различных групп рабов, Уэстерман, как мы видели, обращает особое внимание на демосиев. Однако вне зависимости от того, достигало ли их число 300, 600 или 1200 человек, — источники указывают различные цифры, — они составляли лишь небольшой отряд класса рабов, и нельзя на основании их несколько привилегированного положения делать какие-либо выводы о всей массе раб-

¹⁹ См. Э. Л. Казакевич, ВДИ, 1958, № 2, стр. 108 слл. Э. Л. Казакевич любезно указала мне также на порочную интерпретацию Уэстерманом πωσταςίου δίκη (см. ниже).

²⁰ См. С. И. Соболевский, Аристофан и его время, М., 1957, стр. 315.

ского населения Афин²¹. К тому же рабы были лишены какой бы то ни было возможности менять по собственному усмотрению свои занятия. Для любого афинского раба, где бы он ни работал: в Лаврионских рудниках, в эргастерии или на полях Аттики, был наглухо закрыт путь к превращению в демосия. Если бы Уэстерман стремился объективно изучить положение различных прослоек класса рабов, он был обязан как минимум: 1) учитывать их численное соотношение и 2) указать на невозможность перехода рабов из одной группы в другую. Ни то, ни другое не было им сделано.

Уэстерман довольно много места уделяет сравнению материального положения рабов и свободных. Как большинство буржуазных ученых, он подчеркивает, что занятия при строительстве Эрехтейона рабы получали такую же плату, как свободные, и что их владельцы работали вместе с принадлежавшими им рабами. Все это верно, но автор почему-то «забыл» упомянуть, что значительная часть заработной платы раба шла в карман его хозяина. В Афинах того времени было нормой, что собственник получал за каждого самостоятельно работавшего раба по оболу в день. Несомненно, то же имело место и при строительстве Эрехтейона. Следовательно, фактический заработок раба был намного ниже, чем плата свободных бедняков, не говоря уже о рабовладельцах.

В юридическом плане рабы, как известно, отличались от свободных рядом признаков. Они считались собственностью рабовладельца, не имели ни политических, ни личных прав, были лишены гарантированной законом собственности, наказывались только бичеванием и могли давать показания перед судом только под пыткой. Обо всем этом стоило напомнить только потому, что Уэстерман, отказываясь указать четкие различия между рабами и свободными, концентрирует все свое внимание лишь на переходных группах²². Мы уже привели его положение о возможности получения гражданских прав демосиями. Между тем общеизвестно, сколь ревностно стремились ограничить численный состав полноправных граждан афиняне и с каким трудом получали эти права, притом лишь в исключительных случаях, метэки. А ведь рабов отделяла столь же труднопроходимая пропасть от лично свободных метэков, как последних от граждан.

По мнению Уэстермана (стр. 25), слова Платона («Горгий», 483 b) о том, что раб вынужден терпеть несправедливость и не имеет никого, кто бы оказал ему помощь, «не соответствуют истине... ни юридически, ни с точки зрения обычных норм». Это утверждение подкрепляется в книге ссылкой на известное место из псевдо-ксенофоновой «Афинской политики» (I, 10—12). Однако автор обрывает цитату п е р е д сравнением положения афинских рабов с положением лаконских илотов. Между тем, из аналогии вполне очевидно, что афинские законы охраняли рабов от избиения их чужими, но никоим образом не защищали раба от его владельца²³. Очевидно, Платон лучше знал условия жизни афинских рабов, чем Уэстерман. На стр. 22 сл. автор заявляет: «вообще имеется поразительно мало надежных данных о злоупотреблении собственников правом телесного наказания рабов», но умалчивает при этом об Аристофане, в комедиях которого примеров такого рода имеется вполне достаточно²⁴.

Третья сторона теории градаций — возможности перехода из рабского состояния в свободное — тесно связана с вопросом о вольноотпущенниках. Последнему Уэстерман приписывает величайшее значение, считая (стр. 18), что в классический период

²¹ Аналогичную ошибку совершает Уэстерман и в главах, посвященных Риму. Привилегии нескольких императорских вольноотпущенников и рабов Тиберия или Клавдия не дают никаких оснований для заключения о благосостоянии римских рабов в целом.

²² Доверившись авторитету Уэстермана, один из рецензентов его книги, У э л е с (ук. соч., стр. 317) пришел даже к выводу, что и «в греческом мире всегда имело место сомнение, что такое „раб“».

²³ Н. F r i s c h, *The Constitution of the Athenians*, København, 1942, стр. 205.

²⁴ С. И. С о б о л е в с к и й, ук. соч., стр. 317—321.

«распространение манумиссий... привело к изменению всего облика рабства». Такая формулировка представляет собой сильное преувеличение. Если даже в третьей четверти IV в. в Афинах ежегодно и отпускалось на волю около 50 рабов, и то, принимая средний срок жизни раба в неволе в 20 лет, — цифра скорее завышенная, чем заниженная, — общее число вольноотпущенников составит что-то около 1% рабов. Однако дело не столько в количестве вольноотпущенников, сколько в их юридическом статусе. Согласно Уэстерману, обязанности вольноотпущенников по отношению к их бывшим владельцам были почти фиктивными и легко кассировались путем т. н. ἀποστάσιου δίκης. Определение последней дает Гарпократион (s. v.): «Некое дело, дозволенное отпущившим на волю в отношении отпущенных, если те отпадут или возьмут себе другого опекуна и не будут выполнять все то, что приказывают законы. Осужденные вольноотпущенники должны стать рабами, а оправдавшиеся считаются уже окончательно свободными». Из приведенного определения ясно, что в Греции вольноотпущенники несли ряд повинностей по отношению к своим бывшим хозяевам. В случае пренебрежения своими повинностями они всегда могли быть возвращены в рабское состояние. Полную свободу они могли получить, только будучи несправедливо привлеченными к суду²⁵. Итак, этот закон, как и следовало ожидать, был направлен на защиту интересов рабовладельцев, которые, благодаря ему, сохраняли определенную власть над своими бывшими рабами и иногда были материально заинтересованы в отпуске рабов на волю.

Как же интерпретирует этот недвусмысленный закон Уэстерман? Во-первых, он нигде не приводит текста из Гарпократиона, хотя очень много о нем пишет. Во-вторых, ἀποστάσιου δίκης он, вопреки значению слова, называет законом об «освобождении» от обязанностей (release, стр. 25), а не о «нарушении обязанностей», как следует из смысла слова. В-третьих, он толкует данный закон таким образом, что под него попадали фактически лишь такие случаи, когда вольноотпущенники предварительно договаривались с бывшими хозяевами о вчинении фиктивных исков с тем, чтобы после оправдания получить полную свободу. Такие случаи, вообще говоря, были возможны, и несколько, правда, сильно фрагментированных надписей полностью подтверждают такую возможность. Однако они неизбежно должны были составлять лишь небольшую долю общего количества дел по этому закону. Единственное четкое место в литературных источниках, где идет речь об этом законе (Dem., XXV, 65), вовсе не оставляет впечатления о фиктивном характере дела.

Вопрос о манумиссиях, безусловно, заслуживает серьезного изучения, однако нельзя, подобно Уэстерману, рассматривать его только в плане стирания граней между свободными и рабами. Манумиссии были выгодны и рабовладельцам. Задачей объективного историка было всестороннее исследование роли манумиссий в античности.

Нами оставлены без разбора некоторые существенные для концепции автора моменты. К таковым относятся: толкование терминов, обозначавших рабов²⁶, допросы рабов под пыткой²⁷, случаи клеймения рабов в Элладе, количество свободных, не имеющих рабов, оценка рабских восстаний и др. Надлежащее рассмотрение всех этих вопросов потребовало бы слишком много места и так уже непомерно разросшейся рецензии.

Разбор посвященных Греции глав рецензируемой книги позволяет прийти к выводу, что в них порочна не только концепция автора, но и методика исследования источников.

Я. А. Ленцман

²⁵ Такому пониманию полностью соответствует определение вольноотпущенников у Хрисиппа (A t h e n., VI, 267b); ср. Я. А. Л е н ц м а н. О древнегреческих терминах, обозначающих рабов, ВДИ, 1951, № 2, стр. 53.

²⁶ Я. А. Л е н ц м а н, О древнегреческих терминах..., стр. 48 сл.

²⁷ Э. Л. К а з а к е в и ч, ук. соч., стр. 126 сл.

* * *

Основная тенденция рецензируемой книги — преуменьшить роль рабовладения — отчетливо прослеживается и в разделах, посвященных эллинизму (гл. V—VIII). Характерна в этом отношении глава, посвященная рабству в эллинистическом Египте.

По мнению Уэстермана, в основной отрасли египетской экономики — сельском хозяйстве — рабский труд не находил применения. Ставится под сомнение и использование рабского труда в ремесленном производстве. Таким образом, сфера применения рабского труда ограничивается домашним хозяйством. Доказательства этого положения носят произвольный характер: так, в качестве свидетельства об ограниченной роли рабского труда в ремесленном производстве автор привлекает раздел о масляной монополии Податного устава Птолемея Филадельфа, где речь идет о маслоделах, юридически свободных, владевших до этого указа орудиями производства. В то же время в богатейшем архиве Зенона Уэстерман насчитывает лишь 20 вполне определенных упоминаний о рабах (стр. 31), хотя наряду с документами, прямо указывающими на наличие рабов в ремесленных мастерских и проанализированными самим же Уэстерманом в более ранней работе (*Upon slavery in ptolemaic Egypt*, N. Y., 1929), в этом архиве можно найти ряд документов, дающих косвенные указания на применение труда рабов. Укажем в качестве примера на один из них — письмо ткача Паиса к Зенону о некоем смутьяне, которого Паис обвиняет в воровстве шерсти и советует Зенону отрубить ему руки (P. Saigo—Zen., № 59484). Едва ли такое письмо было бы возможно по отношению к какому-либо свободному работнику: здесь идет речь не о передаче дела в суд, а о наказании обвиняемого по усмотрению Зенона.

Констатируя, что в документах III в. есть группа указов из Египта, в которых рабы рассматриваются как класс, отличающийся от свободных рабочих (P. Lill, I, № 29), Уэстерман, исходя из отсутствия прямых документальных доказательств, считает их лишь подражанием греческому законодательству, не нашедшим применения в египетской практике. Той же тенденцией проникнуты и выводы Уэстермана о количестве рабов в эллинистическом обществе.

Хотя Уэстерман и указывает, что в период эллинизма рабовладельческая система распространилась на новые районы восточного Средиземноморья, вместе с тем он утверждает, что численное отношение рабов к свободным возросло незначительно.

Вторым основным положением Уэстермана является утверждение, что в эллинистическом обществе наблюдается смягчение рабской системы, как одно из проявлений процесса стирания классовых различий под абсолютизмом эллинистических монархий. Это смягчение он видит в изменении философских представлений о рабах (появление теорий стоиков о равенстве всех людей перед всеобщим универсальным законом), в присвоении некоторыми храмами права убежища для рабов, в появлении рабских организаций (эранос и коллегий). Но поскольку Уэстерман не приводит каких-либо других данных об экономическом и социальном положении рабов, то его вывод остается скорей «общим впечатлением», чем твердо установленным на основании источников фактом. Как известно, теоретические рассуждения стоиков о равенстве всех людей отнюдь не означали отрицания рабства как института в практической жизни. Коллегии, эранос, храмы с правом убежища для рабов были лишь единичными явлениями, не оказывавшими заметного влияния на положение массы рабов. Движения рабов в Пергаме, на Делосе и в Лаврийских рудниках указывают на то, что в эллинистическом обществе противоречия между рабами и рабовладельцами были достаточно сильными, чтобы привести рабов к открытым выступлениям против рабовладельцев.

Показательно, что различия между восточным и греческим рабством Уэстерман ищет преимущественно в области правовых отношений. Одна из важнейших причин различий, по его мнению, заключалась в том, что греки в период полиса достигли большей зрелости законодательной мысли, чем их предшественники в странах передней Азии. Эта зрелость выразилась, по Уэстерману, в более логическом понимании разницы между свободным и несвободным и в большей семантической точности в терминах. Автор не замечает, что это правильное наблюдение находится в резком против-

речи с его основным тезисом о незначительной роли рабского труда. Ведь эта «зрелость законодательной мысли» и точность терминологии могли возникнуть лишь как отражение более развитых рабовладельческих отношений, более четкой классовой дифференциации общества.

Уэстерман не уделяет внимания влиянию рабства на положение иных категорий трудового населения. Между тем, из некоторых конкретных наблюдений, содержащихся в его книге, напрашиваются выводы, подтверждающие это влияние и прямо противоречащие основной мысли автора. Так, Уэстерман указывает, что формы контроля над работниками царских монополий и «царскими земледельцами» были сходны с формами контроля над рабами, отмечает в качестве признаков принадлежности к классу рабов отсутствие личной неприкосновенности, свободы передвижения и выбора места работы. Все это лишний раз подтверждает, что при изучении роли рабства в античности нельзя ограничиваться только выяснением численности рабов.

В целом концепция рабовладения в эллинистическом обществе в рассматриваемой работе Уэстермана носит односторонний и явно тенденциозный характер и не может служить основой для создания объективной картины рабовладельческих отношений.

А. И. Павловская

* * *

Истории рабства в период римской республики в рецензируемой работе посвящены главы IX—XII. Содержание этих глав вкратце таково. Достоверных данных о рабстве в западной части Средиземноморья, т. е. в Сицилии, Италии, Северной Африке и Испании чрезвычайно мало. Поэтому дать связную картину «западной рабской системы» вплоть до III в. до н. э. не представляется возможным. Уэстерман приводит отрывочные данные источников о рабах, относящиеся к Сицилии, Карфагену и Лацию. По его мнению, обращение в рабство военнопленных имело место на Западе еще в отдаленную эпоху, при этом он ссылается на учение классического права о *ius gentium*. Рабство в Лациуме V—IV вв. в отличие от II—I вв. до н. э. было домашним, патриархальным, свойственным малым общинам (стр. 59). Рабов было очень мало, и отношения рабов и хозяев этого времени характеризуются как простые и дружеские. Автор отвергает как недостоверные, отражающие условия II—I вв. до н. э., сообщения Ливия о восстаниях рабов в V в., так как, по его мнению, страха перед рабами, с одной стороны, и ненависти рабов к господам, с другой, в этот период еще быть не могло.

Рабство стало играть роль важного фактора римской жизни лишь в эпоху быстрого территориального расширения Рима сначала в Италии, но особенно в Западном Средиземноморье; количество рабов в Риме особенно возросло после Пунических войн.

Период от начала II Пунической войны до 150 г. Уэстерман определяет как время развития рабовладельческих плантаций и крупных ранчо, а также применения рабов в ремесле. Отрезок 150—30 гг. до н. э.²⁸ он считает периодом наивысшего расцвета «ранчо-плантационной рабской системы» и «индустриального рабства», когда численность рабов и масштабы использования их труда достигли небывалых размеров, а положение рабов в обществе было наиболее бесправным и презренным. Поскольку именно от этого периода до нас дошла наиболее богатая информация источников, то имеется возможность дать связную картину западной рабской системы, которая имела коренные отличия от восточной рабской системы. Для «западной системы», по мнению Уэстермана, характерны три главных отличительных признака: массовое порабощение военнопленных, а также жителей покоренной области, затем широкое использование рабского труда в сельском хозяйстве и, наконец, жестокое обращение с рабами и весьма низкое социальное положение рабов. Результатом этой суровости и грубости «запад-

²⁸ Даже не весь отрезок 150—30 гг., а скорее 100—30 гг., см. стр. 70 рецензируемой работы.

ной рабской системы» являются великие рабские восстания в Сицилии в 135—132 гг. до н. э.²⁹ и в 104—101 гг. и восстание в Италии в 73—71 гг. до н. э. Однако они вызывались, по Уэстерману, не рабовладельческой эксплуатацией, как известно, самой жестокой и неприкрытой из всех форм угнетения, а обилием рабов, бывших совсем недавно воинами и привыкших к опасностям и жестокостям войны, относительной свободой, которая предоставлялась рабам-пастухам вследствие характера их обязанностей, и затем жестокостью о т д е л ь н ы х (разрядка моя. — В. К.) господ. Читателю остается неясным, почему же в таком случае к рабам, восставшим якобы из-за отдельных жестоких притеснений, присоединялись тысячи других рабов. Уэстерман отмечает, что великие рабские восстания были вызваны условиями жизни рабов в латифундиях, а своих руководителей они находили среди сельскохозяйственных рабов.

Отмечая, что в I в. до н. э. в Италии и Сицилии рабов было больше, чем где бы то ни было и когда бы то ни было, Уэстерман тем не менее не считает возможным утверждать, что римская цивилизация I в. до н. э. была цивилизацией, основанной на рабстве. Подчеркивая эту мысль, автор отвергает даже концепцию Макса Вебера, считавшего рабство причиной социальной дифференциации римского общества. По мнению автора, положение Вебера возникло из преувеличенного представления о соотношении рабского труда и труда свободных. Можно сказать, что последний вывод Уэстермана является основным тезисом и главным итогом разбираемых глав. Собрав большой фактический материал, автор излагает и интерпретирует его неизменно в указанном направлении.

Вышеизложенные особенности «западной рабской системы» составляют одну сторону концепции Уэстермана, наряду с которой существует другая сторона, противостоящая первой и в конце концов вытесняющая ее. Так, отмечая наплыв рабов в Италию и массовое обращение в рабство пленных и покоренных жителей, автор приводит многочисленные, главным образом косвенные, соображения, значительно ослабляющие данный вывод. Захваченные в плен, продававшиеся обычно на месте их пленения, весьма часто выкупались своими родственниками или земляками и лишь в редких случаях попадали в Италию. В ряде случаев жалобы провинциалов на незаконную продажу жителей римскими командирами принимались сенатом, и обращенные в рабство выкупались за общественный счет (например, жалобы жителей Коронеи и Абдер, стр. 62). Автор считает, что не все пленные продавались в рабство, часть обычно уничтожалась, например, большая часть мужского населения Карфагена и Коринфа после их падения погибла в тюрьме, бежала или была перебита³⁰.

Подвергая критической обработке сохранившиеся в источниках немногочисленные цифры, Уэстерман считает их завышенными и постоянно придерживается минимального варианта. Он ссылается на сокращение числа рабов в результате подавления рабских восстаний, на широко развитую в Риме практику отпуска на волю, на уменьшение в конце Республики доставки рабов-мужчин рабочего возраста, хотя указания на этот счет в источниках смутные (стр. 72). Пираты также предпочитали получить хотя бы небольшой выкуп за пленных, чем продавать их в рабство. Разгром Архелаем главного пиратского рынка Делоса и борьба Помпея против пиратов свели роль этого источника рабства на нет. В итоге Уэстерман, определяя соотношение рабского и свободного населения в I в. до н. э., считает завышенными весьма скромные соотношения, установленные Белохом, — 3 раба на 5 свободных в Италии. Автор считает, что соотношение рабов и свободных в это время напоминает соотношение свободного и рабского населения в США в 1850 г., где 51 раб приходился на сотню свободных (стр. 69). Все эти соображения высказываются для того, чтобы предостеречь читателя от преувеличения численности рабов в Италии и Сицилии в эпоху наивысшего развития рабства.

Несомненно, этой же цели служат соображения о соотношении свободного и раб-

²⁹ А. П. Дьяконов, О хронологии I сицилийского восстания, ВДИ, 1940, № 1, установил более точную дату начала восстания — 138 г.

³⁰ Стр. 62. Уэстерман предпочитает в данном случае, вероятно, мнение более позднего историка Зонары сообщению Аппиана.

ского труда. Автор всячески стремится ослабить распространенное в науке и признаваемое им же положение о массовом применении рабов в сельском хозяйстве на Западе. По его мнению, рабский труд был господствующим лишь в скотоводстве, что же касается других отраслей сельского хозяйства, то, не говоря о катоновском времени, даже в I в. до н. э. роль свободного труда была велика (стр. 69). Характерно, что, анализируя соотношение свободного и рабского труда в сельском хозяйстве, автор здесь же дает свои цифры свободного и рабского населения (2 : 1), пытаясь подкрепить этим вывод о большой роли свободного труда в сельском хозяйстве. Роль же рабского труда в итальянском ремесле была, по Уэстерману, несравненно меньшей, чем в сельском хозяйстве, хотя он признает тенденцию к увеличению этой роли. С другой стороны, подчеркивается увеличение числа рабов, занятых непродуцирующим трудом обслуживания высших классов (стр. 63).

Как уже упоминалось выше, третьей чертой «западной рабской системы», отмечаемой Уэстерманом, является жестокость обращения с рабами и весьма низкое социальное положение рабов, что, якобы, отличает ее от «восточной системы». Однако приведенный и препарированный автором материал скорее призван натолкнуть читателя на другой вывод — вывод о том, что положение рабов в Риме в период интенсификации рабской эксплуатации было довольно сносным. Для аргументации Уэстермана характерны его ссылки на примеры преданности рабов своим господам и даже на то, что рабы могли не работать в дождливую погоду. Сделав оговорку, что из-за характера юридических источников нельзя установить правовое положение рабов в последний век республики и в I в. н. э., Уэстерман тем не менее на основе изучения юридических памятников Ранней империи пытается обрисовать правовое положение рабов, находя его довольно высоким как в гражданском, так особенно в сакральном праве. Восстания рабов возникли, по Уэстерману, под влиянием довольно случайных причин, восставшие рабы никогда не протестовали против института рабства как такового, а стремились лишь улучшить свои непосредственные условия (стр. 78).

Главы книги Уэстермана, посвященные Римской республике, играют особую роль в обосновании его концепции античного рабства. В соответствии с этой концепцией говорить о рабстве, как о едином, однородном, повсеместно распространенном социально-экономическом явлении, определявшем сущность жизни того или иного общества, нельзя. Существует несколько «рабских систем», в частности, восточная и западная, отличающиеся друг от друга не большим или меньшим развитием рабства, так сказать не количественно, а качественно, развивающиеся в разных направлениях и из разных основ. Вот почему Уэстерман дает не историю рабства, а историю рабского общества, где рабство определяло всю его сущность и характерные моменты, несомненно, общие каждому рабовладельческому обществу, а описание различных рабских систем в том или другом обществе, наряду с которыми существовали и другие системы, например, система свободного труда. Несмотря на известное, в отдельные исторические моменты большое развитие той или иной системы, она не определяла сущность цивилизации, в рамках которых развивалась.

Нетрудно заметить, что указанное понимание рабства в древности, получившее отражение в заглавии книги, направлено против марксистско-ленинской концепции общественно-экономических формаций вообще и концепции рабовладельческой общественно-экономической формации в частности. Рабство как таковое достигло наивысшего расцвета именно в пределах «западной рабской системы», вот почему характеристика последней является, по существу, центральным моментом всей работы. Отсюда и полемическая направленность соответствующих глав книги Уэстермана, отнюдь не теряющая своей остроты от того, что проводится она в спокойном академическом тоне. В основу своей аргументации автор ставит важный, но все-таки никак не выражающий сущности явления вопрос о численности рабского населения, пытаясь опереться при этом на данные, сохранившиеся в источниках. Подчеркнутая скрупулезность и полнота в подборе этих данных должны, по мысли автора, показать неправильность представления о господстве рабовладельческих отношений в Риме. Уэстерман хочет подвести читателя к выводу, что, собрав все дошедшие факты, можно говорить даже для периода

наивысшего расцвета рабства лишь о весьма скромном количестве рабов по сравнению со свободными и о господстве рабского труда в одном лишь скотоводстве (а в других областях хозяйства он вряд ли даже преобладал). Тенденциозность этого вывода усугубляется тем, что время расцвета «западной рабской системы» Уэстерман ограничивает минимальным сроком (150—30 гг. до н. э. — даже скорее 100—30 гг.), т. е. несколькими десятилетиями. Уже в эпоху Варрона наблюдается уменьшение притока рабов — мужчин и изменение взгляда на рабов в сторону улучшения их положения.

Автор постоянно подчеркивает, что он стоит на почве фактов, тех данных, которые сохранились в источниках, он лишь «забывает» отметить, что приводимые им цифры, положенные в основу его концепции, являются лишь жалким и случайным сколком с древней статистики и лишь частично отражают реальную картину. Уэстерман игнорирует давно известное в науке мнение на этот счет, прекрасно выраженное Валлоном: «Если бы мы собрали все тексты древних писателей, то все же не получили действительной, реальной картины. В самом деле, исторические рассказы дают далеко не исчерпывающие сведения по этому вопросу. Пленников еще считали во времена первых войн Италии, во время Самнитских войн, когда, имея равные шансы на успех, особенно заботливо отмечали потери, повесенные той и другой стороной... Но впоследствии Рим знал одни лишь победы, не имея оснований опасаться чего-либо даже в случае какой-нибудь неудачи, он значительно меньше стал интересоваться этим подсчетом. Привычка часто заставляла пренебрегать упоминанием их числа, которое само собой напрашивалось... О них не говорят даже в общих терминах, за исключением некоторых замечательных случаев или таких, которые отмечены какими-либо особенностями»³¹.

Автор почему-то не замечает разницы между относящимися к ранней истории Рима сообщениями Ливия, Диодора и др. о мелких, вплоть до нескольких сотен, одной или двух тысяч, количествах рабов, и лишь случайными цифрами, дошедшими до нас от II—I вв., когда рабство достигло наивысшего расцвета и спрос на рабов, естественно, был наибольшим, — разницы, объясняемой прежде всего слишком большим притоком рабов, которых перестали считать³². Не учитывать эти особенности наших источников и строить на основе случайно сохранившихся данных широкую теорию — значит исказить реальную историческую картину.

Высокие цифры рабов постоянно вызывают у Уэстермана решительное недоверие. Сообщение, например, такого надежного источника, как Страбон, о массах рабов, ежедневно продаваемых на Делосе, по его мнению, является сильным преувеличением. Данные Ливия о продаже в рабство 90 тысяч тевтонов и 60 тысяч кимвров внушает ему также подозрение, не дублирует ли оно число пленных эпиротов³³. Выводы А. Шнейдера (A. Schneidder, Zur Geschichte der Sklaverei in alten Rom, Zürich, 1892, стр. 15) о миллионе галлов, имевшихся в Риме еще до завоеваний Цезаря, Уэстерман решительно отвергает (стр. 63). Сведения Плутарха и Аппиана о захвате Цезарем 1 млн. кельтов в 58—51 гг. он считает неприемлемыми.

Если сообщения Ливия, Страбона, выводы Шнейдера отвергаются автором без особой аргументации, то для опровержения данных Плутарха и Аппиана он, ссылаясь на «Commentarii de bello Gallico», утверждает, что Цезарь якобы в 58—52 гг. проводил примиренческую политику по отношению к галлам и лишь после осады Алезии

³¹ А. Валлон, История рабства в античном мире, М., 1941, стр. 298.

³² Например, Цицерон как плохой военный, очень дороживший титулом императора, данным ему солдатами во время его проконсульства в Киликии, много говоривший о добыче и трофеях, захваченных под его командованием, не сообщает цифру своих пленных, конечно, прекрасно ему известную, а упоминает лишь об их продаже. Судя по тому, что уже на третий день продажи выручка достигла 12 млн. сестерциев, число рабов было очень велико (Cic., Epist. ad Att., V, 20, 5). Кстати, Уэстерман не упоминает об этом факте.

³³ Округленность цифр в данном случае возникла, вероятно, потому, что до нас дошла эпитома главы, а не сама глава.

начал практиковать широкое обращение пленных галлов в рабов. В данном случае Уэстерман совершенно не учитывает того факта, что «Записки» Цезаря, написанные в 51 г., в момент усиления антицезарианской оппозиции в Риме, в условиях непрочного положения Цезаря в Галлии, представляют чрезвычайно тенденциозный документ, где искусственная перестановка событий, искусная комбинация недостоверных цифр, многочисленные умолчания являются обычными приемами³⁴. Естественно, в этих условиях следовало отдать предпочтение конкретным данным Плутарха и Аппиана, использовавших, без сомнения, кроме «Записок», другие, более достоверные источники.

Еще более решительно отвергаются Уэстерманом сообщения, относящиеся к ранней римской истории, в частности, данные Ливия о захвате Капитолия в 460 г. 2,5 тысячами рабов и изгнанников (Liv., III, 15, 5)³⁵, о подстрекательстве рабов к восстанию Аппием Гердонием (Liv., 3, 15, 9). Однако аргументы Уэстермана здесь совершенно произвольны: невероятность наличия столь большого количества рабов в Риме V в.; хорошие отношения рабов и господ, исключавшие какое-либо недовольство со стороны рабов (стр. 59, 69—70).

Еще ярче тенденциозность Уэстермана проявилась в вопросе о положении рабов в Риме, где его полемика с прогрессивной буржуазной историографией (например, Валлоном), но главным образом с марксистско-ленинским пониманием института рабства становится еще более острой. Для доказательства сравнительно неплохого, по его мнению, положения рабов Уэстерман использует мелкие, чисто случайные факты: освобождение рабов от работ в дождь, в праздники, освобождение раба-доносчика и т. п. исключения. Иногда то или иное явление истолковывается в противоположном его сущности смысле; так, классическая формулировка Варрона о делении орудий производства на три вида, где раб был определен как *instrumentum vocale*, имеет в виду, по мнению Уэстермана, отличие раба от других орудий и свидетельствует об улучшении его социального положения. Обращение же с рабом как с вещью якобы говорит о признании его человеческих качеств, отличающих его от других объектов (стр. 81).

Вызывает также решительное возражение стремление автора, несмотря на некоторые оговорки, использовать для характеристики правового статуса рабов в поздней Республике юридические памятники эпохи Ранней империи, отстоящей на 100—200 лет от изучаемого периода. Автор считает также возможным распространить учение о *jus gentium* классического права, явившееся отражением длительной эволюции рабства, не только на эпоху ранней республики, но даже и на еще более ранние эпохи истории Западного Средиземноморья. Наконец, Уэстерман не видит разницы между римской *familia* ранней республики, в составе которой раб считался членом, хотя и бесправным, и теми громадными толпами рабов отдельных рабовладельцев поздней Республики, которые уже ничего общего не имели с организацией древней *familia*, разве только что доведенную до деспотизма *patria potestas*, направленную теперь непосредственно против рабов.

Преувеличение живучести организации ранней римской *familia*, характеризующейся патриархальным отношением к рабам, которое к тому же чрезмерно идеализируется автором, с одной стороны, использование позднего материала юридических источников Ранней империи, когда под влиянием начавшегося кризиса рабовладения в Италии происходит некоторое улучшение в положении рабов, с другой, составляют в рецензируемой книге искусственную комбинацию, опираясь на которую, автор дает неверное, тенденциозное, изображение положения рабов даже в период их наиболее интенсивной эксплуатации. Отмеченные выше особенности свидетельствуют о том,

³⁴ Р. Ю. В и п е р, Очерки истории римской империи, М., 1908, стр. 232; М. R a m b a u d, L'art de la déformation historique dans les «Commentaires» de César, P., 1953.

³⁵ W e s t e r m a n n, реценз. соч., стр. 69.

что в своем существе разбираемая концепция глубоко статична и антиисторична.

В рассмотренных главах чрезвычайно мало внимания уделено производственному аспекту рабства, отражающему наиболее глубокие особенности и специфику рабовладельческих отношений. Процесс производства, организация рабочей силы, формы хозяйства, влияние рабского труда на развитие экономики вообще и т. д. и т. п. мало интересуют автора. В связи с этим богатый и добротный фактический материал трактатов Катона и Варрона, некоторые данные о кампанских *villae rusticae*³⁶ слабо использованы в работе. Хотя Уэстерман говорит о латифундиях, средних поместьях, ранчо, крестьянских фермах, но как был организован производственный процесс, какая рабочая сила применялась, какие виды хозяйства имели место, их доходность и т. д. — все эти вопросы остаются вне поля его зрения. В работе недостаточно используются богатые и разнообразные данные римской комедии, в которой, как известно, за греческой оболочкой скрываются римские бытовые условия.

Автор недооценивает большую роль и значение долгового рабства в Риме в V—IV вв. до н. э., необоснованно отвергая сведения Ливия и, особенно, как это ни странно, слабо используя обильные данные законов XII таблиц. А между тем анализ этих данных позволил бы нарисовать более или менее обстоятельную картину рабства в раннем Риме, дать которую автор отказывается якобы из-за отсутствия или недостоверности наших источников.

Нельзя согласиться с Уэстерманом относительно его определения *oregarius* Катона как свободного, хотя и зависимого работника, не живущего постоянно в имении (стр. 68—69). Уэстерман полемизирует с Варроном, который определенно считает *oregarius* рабом (I, 18, 1). В качестве решающих аргументов он приводит соображения о количестве рабских кроватей и одеял, перечисленных Катонам среди разнообразного инвентаря масляного сада и виноградника. Однако нужно заметить, что предположение Уэстермана о том, что на одной кровати спал один раб, является произвольным и вряд ли соответствует действительности. Обычно рабы спали по двое³⁷, о чем кстати говорит наличие 16 подушек на восьми кроватях (Cato, 10), но они могли спать, конечно, и по трое и больше. Как показывают раскопки *villa rustica* в Кампании, камеры рабов достигали 8—9 кв. м, где жило несколько человек, спавших на одной большой кровати³⁸. К тому же перечисление рабочего персонала, данное Катонам, где вместе с виликом, ключником, свинопасом и др. оказываются и 5 *oregarii*, показывает, что социальное положение упомянутых лиц было одинаковым. В противном случае, если бы *oregarii* были свободными людьми, они были бы каким-то образом выделены. Вот почему выводы Уэстермана об исключении из рабского персонала масляного сада пяти *oregarii* (из 13 чел. остается восемь), из виноградника — 10 *oregarii* (из 15 чел. остается пять) не могут быть приняты. А в связи с этим положение о значительном преобладании свободного труда над рабским в эпоху Катона оказывается необоснованным.

Общая тенденция книги Уэстермана еще более отчетливо прослеживается в главах, посвященных рабству в период империи. Следует заметить, что задача автора здесь заметно облегчается, поскольку для империи, особенно для ее позднего периода, рабский труд вследствие общего кризиса рабовладельческой формации постепенно начинает заменяться трудом колонов или поселенных на землю рабов. Законодательство империи также фиксирует некоторые улучшения в положении рабов, происшедшие как в связи с общим ходом развития рабовладельческого общества, так

³⁶ R. C. Carrington, *Some Ancient Italian Country Houses*, «Antiquity», 1934, № 3, дает классификацию архитектурных типов вилл, в частности, так называемых I и II типов, которые получили широкое распространение в II—I вв. до н. э. Косвенным образом эти данные могут быть использованы для изучения эпохи поздней Республики.

³⁷ М. Е. Сергеевко, Помпеи, М.—Л., 1949, стр. 301.

³⁸ Сергеевко, ук. соч., стр. 301.

и под влиянием начавшего ощущаться особенно после войн III в. недостатка в рабочей силе. Основное заключение Уэстермана состоит в том, что в первые века Римской империи наблюдается уменьшение числа рабов, смягчение условий их жизни и дальнейшее стирание «барьеров» (стр. 104) между свободой и рабством. Не говоря уже о том, что Уэстерман не рассматривает экономических причин, вызвавших эти изменения, подбор примеров, которыми он аргументирует свои положения, является в значительной степени односторонним. Так, отмечая сокращение числа рабов, Уэстерман широко использует данные египетских папирусов. На основании данных о подушной подати он делает вывод о соотношении рабского и свободного труда в римском Египте, хотя наличие незначительного количества рабов в податных списках Филадельфии не может являться достаточным основанием для того, чтобы говорить о преобладании свободного труда в городском ремесле, не говоря уже о том, что эти списки могут содержать чисто случайные данные (стр. 87 сл.). В то же время он с сомнением относится к тем данным источников (например, к свидетельствам Сенеки — стр. 88), которые свидетельствуют о большом числе рабов. Хотя Уэстерман сознает недостаточную убедительность приводимых им примеров: он пишет, что статистически нельзя доказать «прогрессивный упадок относительного числа рабов в течение трех первых веков империи», но, — добавляет он, — «все же всегда считались с уменьшением рабского населения» (стр. 101). Анализируя происхождение рабов и источники их получения, Уэстерман слишком большое значение придает естественному воспроизводству рабов в доме их господ, преуменьшая роль других источников рабства, в частности, пиратства, в особенности для восточного Средиземноморья. Однако в надписях Эгейского бассейна мы встречаемся с упоминаниями о похищении пиратами свободных и рабов вплоть до III в. н. э. (например, IGI, III, 171; IGI, V, I, 653 и др.).

Как и в разделах по республике, Уэстерман постоянно проводит мысль о постепенном стирании граней между свободой и рабством. В связи с этим отпуск рабов на волю он рассматривает именно как достижение рабами условий свободы. Однако он не учитывает, во-первых, того, что в большинстве случаев вольноотпущенники продолжали выполнять ряд обязанностей по отношению к своим господам, и часто в действительности это было лишь иной формой зависимости. В этом отношении достаточно сослаться на серию манумиссий из Калимны времени империи, где детально оговариваются условия освобождения. В большинстве этих манумиссий указывается, что освобожденный должен оставаться у бывшего господина до самой своей смерти. В одной из надписей прямо сказано, что освобожденная рабыня должна делать все то же, что делала, будучи в рабском состоянии³⁹. Во-вторых, рост вольноотпущенничества в период империи является неопровержимым свидетельством непроизводительности того самого рабского труда, незначительность которого Уэстерман пытается все время доказать.

Труд рабов как основной вид производительного труда менее интересует Уэстермана, чем описание положения рабов и отношения между ними и их хозяевами.

Автор постоянно подчеркивает тенденцию к улучшению этих отношений. Так, он пишет, что в Египте отношения между рабами и их владельцами и между вольноотпущенниками и их патронами, «как показывают папирусы, были в целом скорее близкими и сердечными, чем напряженными» (стр. 104). Уэстерман признает применение пыток к рабам, хотя, по его мнению, «в папирусах удивительно мало свидетельств об этом» (стр. 105). Однако помимо египетских папирусов, данные которых неправомерно используются автором для характеристики положения рабов для всей империи, у нас имеются свидетельства надписей об обязательном применении пыток к рабам и системе физических наказаний для рабов (например, IGI, III, 174; IGI, V, I, 654). Это вряд ли согласуется с мнением Уэстермана о сердечности отношений между господами и рабами.

³⁹ «Annuario della scuola archeologica di Atene e della missione italiana in Oriente», XXII—XXIII (1952), № 155 сл.

Большое значение в смягчении рабства автор придает влиянию императорских рабов и вольноотпущенников. Он отмечает «стремительный рост их влияния», в особенности на политическую жизнь империи. Говоря об изменении в положении рабов в Италии и Сицилии в первые века империи в сторону увеличения гуманности в обращении с ними, Уэстерман пишет: «Это движение может быть связано с ростом преимуществ, достигнутых *servi publici* в Италии и римских и латинских колониях на западе: этому, вероятно, содействовало почетное положение, занимаемое императорскими рабами и вольноотпущенниками» (стр. 113). Между тем, совершенно очевидно, что как бы высоко ни были вознесены по прихоти своих господ отдельные рабы, в этом случае совершенно оторвавшиеся от своего класса, это не влияло на улучшение положения всего класса в целом, и между привилегированными рабами и всей остальной массой рабов лежала пропасть. Да и само «почетное» положение императорских рабов и вольноотпущенников было непрочным: гнев или смерть их господина вели к падению их могущества, а иногда, и к гибели (как это было, например, с Нарциссом, любимцем Клавдия — Tac., Ann., XIII, 1).

Уэстерман возражает прогив взглядов тех ученых, которые связывают упадок античной культуры с рабством (стр. 119 сл). Так, он отрицает, что применение рабского труда задерживало технический прогресс. Единственными социальными условиями, вызвавшими «упадок системы рабства в течение периода империи», он считает прекращение войн и разбоя, дороговизну рабов и превращение свободных крестьян в колонов. Уэстерман не принимает во внимание, что уже сами древние связывали необходимость отдачи земли колонам с непроизводительностью рабского труда. Еще Колумелла отмечал, что в отдаленном поместье поля следует сдавать колонам, а не рабу-виллику; «это правило в особенности относится к полям, засеянным хлебом, которым колон может принести гораздо меньше вреда, чем виноградникам и садовым насаждениям. Рабы же и этим полям приносят величайший вред» (I, 7). Таким образом, Уэстерман меняет местами причину и следствие: сокращение рабского труда он выводит из развития колонажных отношений, вместо того, чтобы видеть в этих отношениях следствие невыгодности и непроизводительности труда рабов.

Относительно рабства в Малой Азии Уэстерман присоединяется к выводам Ростовцева в его книге о колонате. Так же как и для других частей империи, он приходит к заключению о незначительном применении рабского труда и о значительной мягкости в обращении с рабами (стр. 121—122). Наиболее серьезные возражения вызывает утверждение Уэстермана о том, что рабы не применялись в сельском хозяйстве. Он говорит только о домашних рабах у богатых горожан и землевладельцев (стр. 127). Что же касается сельскохозяйственных рабов, то он пишет, что «доказательств обработки земли с помощью рабов нет» (стр. 126, прим. 109). Между тем, уже для эллинистического времени мы имеем свидетельства об использовании рабов крупными землевладельцами (OGIS, 215; AJA, XVI (1912), стр. 12—14). Сам Уэстерман пишет, что условия землевладения и методы производства были взяты римскими императорами в тех формах, которые развились в эллинистический период (стр. 126). Между тем, для эллинистического периода совершенно четко засвидетельствовано существование сельскохозяйственных рабов, что автор должен был учесть и для времени империи. К тому же в нашем распоряжении имеются и прямые свидетельства источников о земледельческих рабах в восточных провинциях, относящиеся к III в. н. э. Достаточно назвать надпись с о-ва Феры, где говорится о рабах, посаженных на землю, определены размеры участков и перечисляется инвентарь, которым они пользуются (*δοῦλοι ἐπὶ τὰς χῶρας* — IG1, III, 343). О сельскохозяйственных рабах упоминается и в другой надписи III в. из Гиераполя (IGRR, IV, 808). Правда, формы эксплуатации этих рабов существенно отличались от форм эксплуатации, распространенных в Италии и Сицилии в период Республики, но Уэстерман вообще не ставит вопроса о положении *δοῦλοι ἐπὶ τὰς χῶρας*. Значительное количество рабских надгробий, опубликованных в последнее время (в частности, собрания сирийских и фригийских надписей), позволяют сказать, что представление Уэстермана о незначительном количестве рабов в восточных провинциях не соответствует имеющимся данным.

Главы, посвященные рабству в поздней Римской империи (XX—XXIX) были написаны Уэстерманом заново для рецензируемого издания. Соответствующие разделы отсутствовали в его статье в RE. Добавление этих глав само по себе симптоматично: материал источников, относящихся к IV—V вв. н. э., в наименьшей степени противоречит основным тезисам Уэстермана, подробно рассмотренным выше. В Поздней империи действительно имел место процесс падения удельного веса труда рабов в сельском хозяйстве и известное нивелирование различий между рабами и низшими слоями свободных. Поэтому, когда Уэстерман отмечает эти процессы в применении к данному конкретному периоду, ему нет необходимости насиловать факты в такой степени, в какой это сделано в предшествующих главах. Между тем, поскольку эпоха Поздней империи не рассматривается Уэстерманом как эпоха коренного кризиса античных хозяйственных и общественных форм, грани между этой эпохой и более ранними периодами в его изложении стираются, и факты, относящиеся к IV—V вв., как бы придают большую убедительность всей концепции о слабой роли и «мягкости» античного рабства.

Следует, однако, отметить, что и для Поздней империи размеры распространения рабского труда нередко преуменьшаются Уэстерманом, а соответствующие сведения источников постоянно ставятся им под сомнение. Так, сообщения агиографической литературы о массовом отпуске рабов на свободу, а значит косвенно и об их многочисленности, по мнению Уэстермана, преувеличены. Следует осторожно относиться также и к известному сообщению Синезия о том, что нет такого дома, в котором не было бы скифских рабов. Автор полагает далее, что в исторической литературе к рабам относят иногда такие слои населения, которые в действительности не являлись рабами. Так, упоминаемых в отчетах гермополитанского нома *παίδες* имений Апиона не следует считать рабами — это были наемные рабочие (стр. 134).

Сельское хозяйство восточных областей империи, например Каппадокии и Армении, основывалось не на рабском труде, — здесь Уэстерман без всякой аргументации отвергает выводы советского исследователя С. Т. Еремяна⁴⁰, но на труде полусвободных прикрепленных к земле крестьян (стр. 137). Даже рабы, упоминаемые Сальвианом, это по существу не рабы, так как они получают деньги за свой труд — *stipendia* (стр. 138).

Многие важные стороны позднего рабства, например, имущественная правоспособность рабов, условия их отпуска на свободу, положение рабов церкви и фиска, а также рабов, используемых в промышленности и торговле, вовсе не освещены автором.

Уэстерман оказывается не в состоянии раскрыть причины изменения роли рабства в позднеримском обществе. Это объясняется прежде всего методологическим пороком концепции автора: проблема рабства для него — это главным образом проблема этического и морального порядка. Эволюция рабства рассматривается вне связи с процессом развития экономики Римской империи. Причины отмирания рабства как института не имеют в его изображении никакого отношения к определенным хозяйственным условиям; решающими факторами, уничтожившими рабство уже в новое время, он считает гуманизм XVIII века и буржуазную демократию (стр. 162).

Уэстерман подвергает критике концепцию Валлона и Ренана, утверждавших, будто сокращение числа рабов вызвано было влиянием христианской церкви. Христианство в Римской империи, доказывает автор, вполне мирилось с институтом рабства (стр. 154).

Вместе с тем, по мнению Уэстермана, христианство благотворно влияло на рабство. В этом направлении действовали христианский догмат о равенстве всех людей перед богом и совместное участие рабов и свободных в отправлении различных религиозных обрядов. Благотворное влияние христианства выражалось, по мнению автора,

⁴⁰ С. Т. Еремян, О рабстве и рабовладении в древней Армении, ВДН, 1950, № 1, стр. 12—26.

и в том, что христианская церковь, внушая рабам убеждение в необходимости покориться судьбе, проявлять терпеливость и послушание, сообщала им новую жизненную силу, помогала переносить свою участь. Затем постепенно христианская церковь перешла от примирения с рабством к этическому его отрицанию.

Игнорирование автором классовой сущности христианства мешает ему правильно оценить отношение последнего к рабству. В связи с этим оказываются возможными и столь наивно звучащие положения, как замечание относительно облегчения христианской церковью участи рабов путем распространения среди них чувств смирения и покорности судьбе. Уэстерман не учитывает, что христианская церковь в Поздней империи сама уже являлась крупным землевладельцем, и ее экономическое могущество в значительной мере зиждилось на эксплуатации рабов.

Уэстерман совершенно игнорирует классовую борьбу рабов в Поздней империи. То обстоятельство, что в этот период не было рабских мятежей, подобных восстаниям II—I вв. до н. э., кажется автору достаточным основанием для того, чтобы не заниматься этим вопросом. Между тем, в источниках отражены различные формы классовой борьбы рабов в Римской империи, начиная от пассивного сопротивления рабовладельцам и вплоть до участия в массовых народных движениях, направленных против римского государства (движения багаудов, агонистиков), и содействия варварам, вторгавшимся в империю.

В. Уэстерман решительно отклоняет выводы советского историка А. Д. Дмитриева относительно того, что восстание вестготов против империи в 378 г. сопровождалось восстаниями рабов и колонов⁴¹, но не подтверждает свою точку зрения анализом источников.

Пытаясь опровергнуть положение Ф. Энгельса о том, что население провинций ожидало варваров как спасителей, В. Уэстерман обращается к источникам, но использует их крайне односторонне. Он приводит упоминания Иеронима и Эвнация об опустошениях, которые производили варвары на римской территории, не учитывая однако, убедительных данных источников (того же Иеронима, Эвнация, Сальвиана и других римских авторов) о присоединении местного населения к варварам, о том, что известная часть провинциалов действительно предпочитала римскому владычеству господство варваров.

Круг источников, привлеченных автором для выяснения затронутых им проблем, крайне узок. Совершенно недостаточно привлечены данные о позднеимперских рабах, имеющиеся в юридических, папирологических и литературных источниках. Во многих случаях автор основывается в своих выводах не на самостоятельном исследовании источников, но на работах современных зарубежных историков. Так, оспаривая точку зрения С. Т. Еремяна о господстве рабовладельческой системы хозяйства в древней Армении, Уэстерман опирается лишь на книгу французского историка Груссе.

В отдельных случаях автором допущены фактические ошибки, Сальвиан именуется епископом Арля, а Сидоний Аполлинарий епископом Массилии (стр. 142), хотя первый был пресвитером в Массилии, а второй епископом Клермона.

Подводя итоги рассмотрению книги Уэстермана, необходимо признать, что данная работа не содержит объективно-научного изложения истории античного рабства. Отказываясь проследить историю рабства в связи с экономическим развитием общества, автор ограничил свою задачу сбором сведений о численности рабов и их положении в различные периоды и в различных странах. Если бы эта задача была выполнена удовлетворительно, книга Уэстермана могла бы по крайней мере претендовать на роль полезного справочника. Однако этого не произошло: в книге приводится немало действительно важных фактов и интересных наблюдений, но множество не менее важных фактов, если они противоречат концепции автора, обходятся молчанием, а самый подбор фактического материала чрезвычайно тенденциозен. Именно поэтому эта концеп-

⁴¹ А. Д. Дмитриев, Восстание вестготов на Дунае и революция рабов, ВДИ, 1950, № 1, стр. 66—80.

ция, основными моментами которой являются преуменьшение роли труда рабов в античности и идеализация их положения, не может быть признана сколько-нибудь обоснованной и научно-состоятельной. Она направлена не только против марксистско-ленинского учения о рабовладельческой формации, но по сути дела и против прогрессивной домарксистской историографии рабства и является ярким отражением реакционных тенденций современной буржуазной историографии.

А. Р. Корсунский, В. И. Кузицин,
И. С. Свенцицкая

НОВЫЕ КНИГИ И СТАТЬИ ПО ЕГИПТОЛОГИИ

(Краткие аннотации)

1. КНИГИ

Les grandes découvertes archéologiques de 1954, Le Caire, 1955, 154 стр., илл. Специальный номер «La revue du Caire», выпущенный с целью популяризации открытий египетских археологов в 1954 году: неолитическая стоянка, находки в Хелуане и Сев. Саккара, пирамида Сехемхета (III дин.), барки, открытые при гизехских пирамидах, раскопки между Мемфисом и Ком-эль-Фахри, в Фивах, Абидосе, Абусире и близ Александрии.

E. Brunner-Traut, Die altägyptischen Scherbenbilder (Bildostraka) der Deutschen Museen und Sammlungen, Wiesbaden, 1956, 146 стр., 68 табл. Иллюстрированный каталог остраконов с рисунками, из германских собраний.

M. Z. Ghoniem, The varied pyramid, L., 1956, 155 стр., илл. Научно-популярный очерк о раскопках ступенчатой пирамиды Сехемхета (III дин.) в Саккара, производимых под руководством автора книги.

T. James, The Mastaba of Khenika, L., 1953, 78 стр., 43 табл. Публикация мастабы везира Хентика (время Тети и Пепи I, VI дин.). Ред. см. Ch. Eg., XXIX (1954), 58, стр. 256—257.

A. de Buck, The Egyptian Coffin texts, Chicago, 1935—1956; т. I — 405 стр., т. II — 405 стр., т. III—409 стр., т. IV — 413 стр., т. V — 399 стр., т. VI — 415 стр. Первый том охватывает «Изречения» 1—75, второй — 76—163, третий — 164—267, четвертый — 268—354, пятый — 355—471, шестой — 472—786. При каждом томе имеется указатель источников и соотносительный указатель изречений.

R. Caminos, Literary fragments in the Hieratic script, Oxf., 1956, 71 стр., 30 табл. Публикация плохо сохранившихся фрагментов иератических текстов литературных произведений Среднего царства, переписанных в самом конце XVIII династии (из коллекции В. С. Голенищева, принадлежащих ГМИИ им. Пушкина в Москве). Первая группа отрывков относится к рассказу об удовольствиях птичьей охоты и рыбной ловли; вторая группа образует риторическое повествование чиновника Схотепибраанха о царской охоте в Фаюме или в Дельте, вероятно Аменемхета II; в третьей намечается мифологическая сказка о богине Nsrт, в четвертой собраны отдельные мелкие фрагменты из Синухета, Мерикара и Птаххотепа, а также неидентифицированные куски.

W. Helck, Urkunden der 18 Dynastie, Urkunden des ägyptischen Altertums begründet von G. Steindorff, B., Heft 17, 1955, стр. 1227—1368; Heft 18, 1956, стр. 1369—1538; Heft 19, 1957, стр. 1539—1645. Выпуск 17 (§§ 365—407) содержит исторические надписи Тутмоса III и Аменхотепа II; выпуск 18 (§§ 408—485)—биографические надписи современников Тутмоса III и Аменхотепа II; выпуск 19 (§§ 486—561) — исторические надписи Тутмоса IV и биографические надписи его современников.